

Дмитрий Быков. Литератор

Ил. 1. Дмитрий Львович Быков (р. 1967).

Сатирик и лирик, очеркист и критик, романист и драматург Д.Л. Быков в традиционной «молодогвардейской» серии «Жизнь замечательных людей» в 2009 г. выпустил второе издание своей книги о Булате Окуджаве, исправленное и дополненное [1], а в издательстве «ПРОЗАиК» вышла его книга «Отчет: Стихотворения. Поэмы. Баллады: Полное собрание лирических произведений на 1 января 2010 года» [2]. Данная публикация – попытка «объективистского» анализа творчества Д.Л. Быкова, – исторических и фантастических романов, поэзии лирической и сатирической, литературной критики, публицистики.

«Талант, помноженный на фантастическую работоспособность, сделал Дмитрия Быкова одним из самых известных писателей и публицистов. Лауреат множества литературных премий, романист и эссеист, он внимательно следит за развитием книжного рынка»¹ – и откликается на знаковые политические события стихотворными сатирами. «Системная» оппозиционность, основанная на ненависти к «варварству», неприязнь к «быдлу» (независимо от количества денег и влияния у представителей этого сорта наших сограждан на политику, экономику, культуру) является не позой – позицией, но этот автор получает, как правило, в свой адрес либо безусловно хвалебные, либо резко негативные оценки читающей публики. Быков – педагог-просветитель и оттого притворщик-лицедей, у него множество

¹ Это говорит о Быкове-критике и колумнисте сайт «Газеты.ру» (<http://www.gzt.ru/topnews/culture>. – 24.12.2010).

лиц-ликов, ипостасей-масок. Он запросто изображает фавна-нарцисса из «серебряного века», эгоцентриста-интеллектуала, он органичен в роли циничного и вместе с тем наивного болтунишки, «демшизанудного» оппозиционера, самоутверждающегося обличениями, однако пафос его творчества, принципы и цели – *преображение мира*, а не одной только косной-темной-грязной-подлой-трусливой, во-всем-виноватой раз и навсегда матушки-Расеи и ее государства-Молоха! Стилей-масок у него избыточно много, – от язвительно-саркастического бесенка-шута, «черного кота», до слоненка-интеллектуала из *доброто* «мультика»; от бездушного умника-«журналиги» до гуманиста-просветителя; от ненавистника «бандитского» политического режима до патриота *новой* России [2, с. 55].

Для этого *литератора* главным делом является поэзия², ему нужны «сверхлюди», хватит уже, дескать, «ветхого Адама», – но это всего лишь игра [2, с. 298]. Нужны именно *люди*! Когда не Аполлон, тем более не Дионис, а «культурная ситуация» к священной жертве требует – Быков обличает отечественное «хамье» с жаром пророческим, яко «чужанин»-еврей (по отцу), а когда «либеральная демшиза» начинает «доставать» всех и каждого – уже как российский патриот, наследник евразийской истории чуть ли не со времен Хазарского каганата, хотя в истоках его прозы и поэзии – «серебряный век» (акмеисты, но также «советская школа» – Слуцкий и Бродский, Самойлов и Кушнер, Ефремов и Стругацкие). И «либерализм», и «консервативность» у этого автора условны, – на деле это мечтания о *цивилизационном прогрессе* и сохранении отечественных традиций просветительства, которые сегодня по известным причинам кажутся элитарными.

Быкову мало «цивилизации», ему подавай реализацию новых, качественно иных отношений между людьми... Прежде всего этот *литерАВТОР* – словесник-филолог, преподаватель языка и литературы, сознающий свои нескромные возможности в сфере идеологии-болталогии, однако если он пытается следовать чуждым себе теориям – либерально-консервативным или завирально-радикальным – получается скучная самопародия, а стоит ему отрясти прах пафосных умствований с ног своих, текст уходит от балаганного глумления и «шутовского» занудства [3], – свойственных, к примеру, «обличениям власти» у сатирика В. Шендеровича. Для Д. Быкова работа публициста-колониста – гражданский долг, его душе требуется синтез постижения и пафос созидания. *Благонамеренная* поддержка любой из сторон («Чума на оба ваших чума!») – так называется

²«Все мои прочие авторские ипостаси занимались главным образом тем, что обслуживали поэтическую. Журналист по мере сил кормил поэта, биологический носитель подбрасывал поводы для вдохновения, <...> а прозаик делал все возможное, чтобы прозаизмы и абстрактные размышления не попадали в стихи, – для этого были романы. Поэт, как мог, оплачивал всем троим; кажется, их только из-за него и терпели» [2, с. 4 обложки].

одна из его статей) в нынешней «борьбе плохого с отвратительным» противна ему, как в свое время Набокову [4, с. 21].

Сатирик, пишущий на злобу дня

Быков умеет высмеять и президента, и премьера, и кого угодно из «властных структур» так, как Шендеровичу с Иртеньевым не под силу. Стихотворные сатиры «Бронзовый Удак», «Калиновое», «Ода в честь Егора Бычкова», «О Мундиале», «О том, как обкрадывают Путина те, кто много едят», «О Шевчуке, Путине и Триумфальной площади», «Поэма о Химкинском лесе» хорошо известны публике и тиражируемы в Рунете. Политика – тоже литература, и литература – политика, а паблисити и гонорары зависят не только от одаренности, но и от «легкости-бойкости», умения сказать *вовремя*.

Быков числится в постмодернистах, преклоняется перед Иосифом Бродским и Умберто Эко, но если у первого он учился, якобы подражая, второй довольно-таки далек от накала страстей, язвительной иронии и полемической яркости, свойственной Быкову. Публицистика Эко – профессорская, «кафедральная», у него и проза вязкая, усложненная-в-упрощении, он и в самом деле постмодернист, гессевский «игрок в бисер», авторское кокетство у него другого качества... Этих интеллектуалов, по собственным правилам играющих в профессионализм и дилетантизм, на деле роднит единственно лишь «пафос гуманизма» – упование на прогресс человечества в форме духовного его развития: «Одной из главных тенденций литературы в ближайшее время станет переживание финансового краха как духовного возрождения», – сказал Эко Быкову в интервью 2009 года [5], но сам Быков – «человек-проект», он работает не там, куда больше всего тянет, а где востребован и где реализуется как многорукое-многоликое индуистское божество. Есть и такая роль: «бич пороков», не лезущий ни в авгурь, ни в командиры, по мере возможности *честно* трудящийся на ниве словесности с определенными группами-командами... Он и в лирике иногда воспринимает себя в качестве симптома смертельной болезни³, но если всех, у кого в печенках сидит хамство торжествующее, именовать «прогрессистами», в этой категории лиц окажется подавляющее большинство членов всех партий, парламентских и внепарламентских, левых и правых, умеренных и радикалов, даже если они сами ведут себя небезупречно, мягко говоря! Если всех, кому по сердцу полемика вместо террора, «мирная» борьба вместо палачества, величать либералами или консерваторами, опять-таки получится, что *консервативный* Быков далеко не одинок, то есть принадлежит не просто к «цивилизаторам-просветителям», но к

³ Стихи 1995 года: «Воет Отчизна – в позоре, в разоре, болезни. / Чем мне помочь тебе, чем? Повтори, не пойму! / И разбираю: исчезни, исчезни, исчезни» [2, 163].

психически нормальным людям, чего не стесняется. Аффектация на уровне позы («автопозиционирования» и «автоОппозиционирования») – форма самоподачи, своего рода маркетинг. С «карьерой» и «местом в жизни» все в порядке, зато с творчеством всегда остаются проблемы, как это и должно быть у живого человека, не претендующего на вселенскую исключительность-уникальность, но любящего свое дело, уважающего свой труд и зарабатывающего «поденщиной», – хотя не только ею. «Я по-прежнему впряжен в тележку и должен писать по три текста в день, чтобы покупать себе право на жизнь. И никакие премии тут ничего не изменят» [6].

Литератор – это прежде всего эстетическая позиция

Быков, что бы кто о нем ни говорил на форумах и в статьях, прежде всего *литератор*, и его читателям необходимо видеть не только живые «интенции», побудительные мотивы его творчества, но и всё то, что не позволяет этому самому творчеству преодолеть (в *образах*, прежде всего) «ведомственные рамки» деклараций. Нельзя сказать, что Быкову не удаются критика и сатира, в отличие от литературоведения-науки, где «жар души» – честное слово автора, та самая «светская» *красота*, которая губит вернее, чем спасает, по выражению шекспировского Гамлета. Быков не зря является «трибуном»-телеведущим, он может увлечь даже очень «темных» людей, может держать внимание публики, далекой от литературы (и даже современной культуры как таковой), – у него есть актерская жилка, он одарен и как «имиджмейкер», иначе его место в «массмедиализованной» литературе-критике-поэзии было бы сегодня занято другими. Быков симпатизирует Западу, когда тому противопоставляют Восток, но далеко не симпатизирует «прогрессистам» ЕС, Израиля, США и др., когда те ведут себя как агрессоры и колонизаторы, за что его уже не раз критиковали куда более культурные, высокоумные и просвещенные деятели, – например, все тот же В. Шендерович, известный глубиной мышления и чувством непреходящей ответственности за матушку-Россию, и другие достойные люди, облеченные доверием деятелей вроде бы противоположной («почвенно-патриотической», консервативно-националистической, «обскурантистской») стороны, далеко не щелкоперы! Согласно их точке зрения, Быков – врунишка легкомысленный и критика у него дилетантская [7; 8].

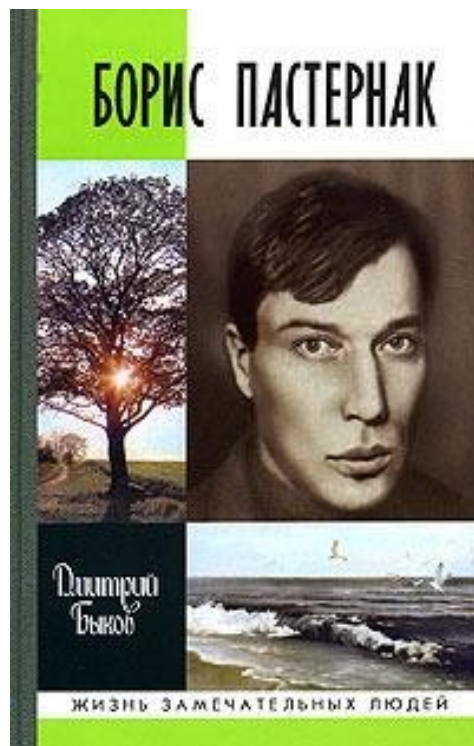
В самом деле, разве могут «западник»-либерал или доморощенный «неокон» с наперсным крестом в полпуда сказать следующее: «“Война и мир” отвечает на вопрос: почему Наполеон проиграл битву с Россией? Да потому, что в России побеждает не тот, кто хорошо организован, а тот, кто сильно и полно проживает жизнь. <...> В России хорошо не

тому, кто хороший, а тому, кто <...> живет, не оглядываясь на чужое мнение. <...> Надо объяснить детям, что это живая проблематика, касающаяся их повседневной жизни. Задача, конечно, титанически сложная, хотя преимущество русской литературы совершенно очевидно – она, вполне возможно, переживет кризис идей XXI века, так как не зависит от идеологических проявлений. <...> Вот почему большинство моих друзей-либералов меня терпеть не могут, а со многими патриотами я довольно интенсивно дружу <...>. “Бежин луг” будет вечным, а большая часть французского реализма уже сейчас даже во Франции никому не интересна» [10]. Весьма противоречивые заявления, мягко говоря, – не в отношении к Тургеневу или Золя, но во взгляде на парадоксы российской жизни.

Ругают Быкова, впрочем, и по заслугам, чтобы не токовал как тетерев, не захлебывался нравоучительно-обличительным пафосом, пренебрегая фактографией в ущерб истине, куда более сложной, чем ему бы хотелось... Когда идешь в литературоведение, в науку, не фантазируй, опирайся на факты, иначе горячо любимый, *превозносимый* герой твоей книги окажется в сомнительной нравственной позиции, а тебе придется краснеть – и получать «сетевые» обвинения в том, что ты *подставил* Окуджаву нарочно, – «заказали», мол! Объем и качество представленного материала ничего не решают, когда автор «соврамши», по выражению известного булгаковского персонажа. «Если трудоголик публикует, мягко говоря, некачественную продукцию, то он должен называться иначе. <...> В статье о его книге “Пастернак”

я назвал Дмитрия Львовича Коробочкой и Хлестаковым в одном флаконе. Теперь, после прочтения “Окуджавы”, понимаю, что с Коробочкой погорячился. Всё-таки до уровня Коробочки Дмитрию Львовичу еще нужно дорасти...» [7].

Незачем, однако, ограничивать автора в творческом росте, награждая хлесткими прозвищами-ярлыками сопутственно литературным премиям. Да, востребованность той или иной позиции не означает соответствия истине, и наоборот. Да, агитация и пропаганда («промывание мозгов») должны иметь четкие границы, обусловленные не только «рынком», иначе *литератору* нужно работать в рекламе, – продуктивность в этой сфере измеряется качеством слоганов и схем психологического воздействия... Это, однако, не повод для

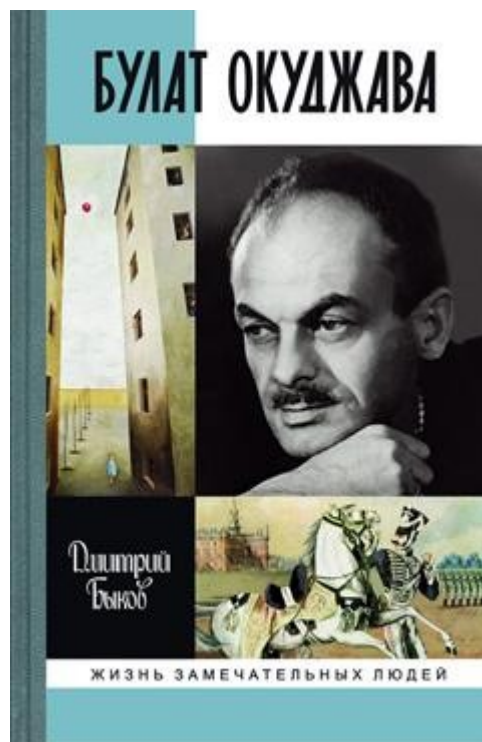
Ил. 2.

уныния, быть молодцу не в укор: выполняя так называемый «социальный заказ» по зову сердца и *эпохи*, нужно помнить о грузе ответственности, который берешь на себя. Этот груз тем тяжелее, чем сложнее реальные проблемы, – нельзя снова и снова использовать чужие идеологические клише в планировании собственного будущего, особенно если над тобой довлеют обязательства перед известными *проектантами*.

Быков знает, что пропаганда чего бы то ни было – дело вроде бы престижное, но опасное, «грязное», и все-таки «пачкается», повинуюсь прежде всего чувству долга. Это не ангажированность, не корысть и не слепой задор, это желание быть понятым – и востребованным [6]. Здесь, пожалуй, можно завершить оценку *политических* (на деле же эстетических, – у Быкова эстетика и есть политика) пристрастий автора сатир, поэм, романов, бесчисленного количества статей и эссе, перейти к его текстам, – или, точнее, к оценке их критиками, «знающими людьми», которые и сами не без греха, что поделаешь.

Монография о Булате Окуджаве

Почему Быков взялся за книгу об Окуджаве? Скорее всего, потому, что многие *мыслящие люди*, с уважением относившиеся к Булату Шалвовичу, резко изменили свое отношение, увидев на телеэкране поэта-барда в компании «первого демократически избранного президента России» (варвара и «хама», по типологии самого Быкова) на фоне танков, трупов и радостных комментариев СиЭнЭн: «Президент США разрешил это во имя демократии»... Член КПСС, наследник и сын коммунистов первого призыва, – «а если я погибну, пусть красные отряды, пусть красные отряды отплатят за меня!» – лгун и проходимец, а его творчество – «интеллигентский проект» для обретения статуса и денег?!

Ил. 3.

Адвокат из Быкова – как ответственный политик из Ельцина, как «серьезный» историк и тем более философ-мыслитель из *барда* (поэта-композитора-певца, интеллектуала-дилетанта) Окуджавы, – потому что не нужно играть в чужие (и кровавые) *политические* игры, воспевая благородство и честь, высокие чувства и

суровые обстоятельства. Прекрасные песни «поэта первых побуждений» [1, с. 650] многие бывшие почитатели не могут слушать без отвращения к Окуджаве-идеологу, вставшему возле «мясника» Ельцина. Тогда у многих было (и осталось, увы) ощущение, что страна «еще раз предана собственной интеллигенцией», по аксеновскому выражению в любимом Быковым романе «Остров Крым», и это до сих пор ощущается на рунетовских интернет-форумах у целой категории «подпольных персонажей», самоутверждающихся нетерпимостью [9, с. 222–223]. Слаб человек, да, но дело иногда не в том, что кому-то претит (или, наоборот, по нраву) так называемый «достаток», – слабы «мыслящие люди» бывают и в разумении происходящего, слабы ненавистью к прежним угнетателям – и подчинением «друзьям-покровителям» из очередной генерации политических мародеров, разрешающим *интеллигентам* свободный уход в «западную цивилизацию», – поезжай, брат, куда пустят, возвращайся, когда пожелаешь, но лучше оставайся на Западе, там даже идиотам хорошо...

Сквозной мотив книги об Окуджаве – «аристократизм» этого барда, однако «источник аристократизма – врожденная принадлежность к партноменклатуре», вот что получилось, по мнению критика (но и поэта, и переводчика) В. Шубинского. Его статья показывает доминирующие точки зрения у критиков и заслуживает цитирования в большом объеме, чтобы показать сумму претензий к Быкову – а заодно и к Окуджаве – известной части современных идеологов.

Источник «околопролетарского» аристократизма, по В. Шубинскому, – «врожденная принадлежность Окуджавы “к главному классу, передовому отряду, к тем, кто чувствует себя творцами будущего”... То есть в данном случае к партноменклатуре. Долгое нежелание Окуджавы осудить действия, в которых участвовали его родители, и идеи, которые они разделяли, для Быкова тоже признак аристократического менталитета: верность родовым “предрассудкам”. Конечно, Окуджава такой же аристократ, как Гумилев конкистадор. Но обилие в его песнях кавалергардски бальных красотей не случайно, как не случайна замороженность шестидесятников декабристским мифом. Советское общество было зациклено на аристократизме, оно боялось своего плебейства, потому что вообще боялось себя. Причем с самого начала: ведь Булата Шалвовича чуть не назвали – как бы вы думали? – Дорианом... Культура, породившая поэта, настолько близка для его биографа, что он не в состоянии отрефлексировать пронизывающие ее комплексы и демонстрирует их во всей красе... смешивая со своими личными обидами. Ведь когда Быков ополчается на людей, ненавидящих “успех” и “продуктивность”, он явно говорит о каких-то своих, а не Окуджавиных недругах. Это портит в принципе неплохую, ярко написанную книгу.

<...> Книга Дмитрия Быкова отчетливо делится на две части. Первая посвящена семье поэта и его молодости. Семья и впрямь примечательная: отец, Шалва Степанович Окуджава, был одним из тех, кто в феврале 1921 года “пригласил” в Грузию Красную Армию (а было ему двадцать); потом он спорил со Сталиным и Орджоникидзе, отстаивая автономию своей родины (взамен утраченной при его участии независимости)... Братья Шалвы тоже старые революционеры, а сестра замужем за великим грузинским поэтом Галактионом Табидзе. Описано это с искренним увлечением, не случайно и стилистически эти страницы – из лучших в книге. <...> И для Окуджавы, и для его биографа убожество позднего сталинизма – результат не кровавой модернизации, учиненной “комиссарами в пыльных шлемах”, как раз и загнавшей сотни тысяч людей из крестьянских домов в бараки, а реванша темных, низменных, некультурных сил, с которыми комиссары не смогли совладать. <...> Выброшенный из мира прекрасных комиссаров, Булат попадает в жестокую реальность: знаменитые арбатские дворы, с их на самом деле полублатными нравами; армия (десяток самых популярных советских песен о войне, сотню знаменитых военных стихов <...> написал человек <...> видевший не столько войну, сколько бардак и неразбериху полутылового, запасного существования, да жестокую муштру в том же тылу, да постоянный голод, раздолбайство и пьянство), учительство в тверской деревне. Все это Окуджава, по своему обыкновению, тоже как-то романтизировал, облагородил, но на сей раз биограф строже к мифу. Что симптоматично. <...> Книга делается менее интересной, потому что ее герой становится советским писателем. А жизнь советских писателей 1950–1980-х годов, с их эзоповым языком и дачами в Переделкино, скучновата, как и жизнь тогдашних интеллигентов вообще. Какими бы недоучками и палачами ни были на самом-то деле те комиссары, в них была сила, смелость, гибельность, а в их детях, ставших с высочайшего разрешения гуманистами и демократами, ничего этого не осталось, <...> а позднесоветская литература “с человеческим лицом” оказалась, при всем своем разнообразии, второсортной, провинциальной. Быков – разумеется! – иного мнения, ведь он и свою творческую генеалогию ведет (совершенно справедливо) именно от этой позднесоветской словесности. Ее конфликты и коллизии он воспринимает с глубокой серьезностью. <...> Заканчивается эта борьба так: 4 октября 1993 года Булат Шалвович вместе с другими “прогрессивными писателями” подписывает письмо с призывом не проявлять гуманность к побежденным, запретить их партии, закрыть их газеты. Быков все возвращается к этому эпизоду, пытается “оправдать” его. Оправдать-то можно – по-житейски... Паническим страхом перед макашовыми-баркашовыми, скажем. Однако биограф пытается найти оправдание

метафизическое. “Это не означало, что он поддерживает или одобряет власть. Это значило, что он разделяет ответственность”. Но какое уж там разделение ответственности, если власть во всем по определению виновата, а подзуживавшая (а не просто одобрявшая) ее интеллигенция остается при своих белых одеждах? Именно во второй части книги больше всего эссеистических отступлений, столь характерных для Быкова-биографа. Если в нарративе слог его крепок, мускулист, точен, то в рассуждениях он всегда водянист и говорит десятью фразами то, что можно сказать одной: как будто ему недостает дисциплинирующих рамок газетной страницы. Да и сами суждения часто грешат – как бы помягче сказать? – торопливостью. Особенно суждения филологические и историко-литературные. Окуджава у Быкова оказывается сопоставим (по масштабу и складу таланта) ни больше ни меньше – с Блоком. Уютно-романтический, человечный Окуджава – с мистическим, гибельным, ищущим бездн Блоком. Забавно, что в другом месте Окуджава сопоставляется с... Михаилом Светловым. Получается, что и Светлов равен Блоку? Почему не сразу же Вольфгангу Гёте? Мысль о том, что песенную поэзию следует рассматривать в соответствующем контексте <...> в голову автору не приходит» [9].

В. Шубинский начал со здравых замечаний, но продолжил, – как бы это помягче сказать? – «торопливостью»... В самом деле, разве существуют для нас, надутых снобов, чьи-то там культурные традиции? Гамлетами в Закавказье называют сыновей не только интеллигенты, а имя Дориан в Грузии обязательно означает, видимо, отсылку к юному и красивому *внешне* герою романа Оскара Уайльда? Булат, не Дориан, не Тициан, не Акакий и не Грант (армянский классик с таким американо-генеральским именем для В. Шубинского также должен быть объектом осмеяния?). Булат – углеродистая сталь, многослойная, – почему не Уран или Титан, не Вольфрам (фон Эшенбах, тоже *бард*)?!

Всякий, кто прочел монографию Быкова, знает, что Светлов рассматривается в качестве «предтечи» Окуджавы, то есть как раз *в контексте* песенной поэзии, а не в сравнении с «гибельным» (и «мистически», и «по-комиссарски»!) Блоком, – потому что тут вопрос не творческого масштаба, даже не популярности... Запрещено, стало быть, проводить компаративные исследования эстетики и поэтики, образной системы, – вместо этого надлежит козырять затхлым снобизмом, поминая Гёте по второму его имени якобы с отсылкой к Сталину? Логика и пафос обвинений таковы, что создается впечатление, будто В. Шубинский нарочито примитивными инвективами задумал хитрое возвеличивание и в самом деле неудачной (по ряду причин, в том числе *умолчаний* и «водянистостей»), однако милой его сердцу книги. Можно подумать, никто не понимает очевидного: Быков *на деле* в

творчестве своем к «документальной» истине отнюдь не стремится [10], для него важен именно «лирический» аспект исторической правды, тем более что на дворе сейчас эпоха так называемых «проектов». Если существовал *проект* монографии об Окуджаве (а без него не было бы и договора с издательством), можно не сомневаться, что направленность («идейная задача») была соблюдена, включая мельчайшие нюансы.

Быков прекрасно ориентируется в прошлом и настоящем, в политике и политологии; его *игровая* публицистика – шедевр убедительности в форме общедоступной «глубокой мысли». Вот что этот *колумнист* говорит о внутренней политике России: «Если мы действительно верим, что вступили в эпоху мягкой силы, нам надо для начала научиться изучать (на основе фольклора, блогов, социальных сетей), а главное – любить то, что у нас есть. Перефразируя Уоррена, мы должны построить рай из того, что под руками, ибо ничего другого не дано. Болото только выглядит хаосом – на самом деле это гибкая, сложно организованная, изощренная система. И устоять на нем способно только то, что построено с учетом его законов. Подмораживать или разогревать его бессмысленно. Надо решиться либо раз и навсегда от него избавиться, либо осознать его как единственную реальность и сделать уютнее любой воды или суши» [11]. В книге об Окуджаве есть и эта мысль, но проводится она не прямо, осторожно [1, с. 104–105; 385–386; 456–458 и т.д.].

Тем не менее, указанная монография, несмотря на *неточности* (и даже «идейные» передергивания) останется не только «документом эпохи», свидетельством устремлений, интересных специалистам, но и масштабной попыткой переосмыслить роль бардов-шестидесятников, подобных Окуджаве, в истории советской и российской литературы – и в Большой Истории, и в социальной катастрофе, завершившейся гибелью СССР. Дело не в чисто текстовых и контекстуальных сравнениях с Галичем или Бродским, Гумилевым и Светловым, но и в системе параллелей, которую попытался выстроить Быков, в том числе цитатами из Жолковского. Не удалось создать целостную и яркую картину, пороку не хватило, да и некоторые места из этой «избранной переписки с единомышленниками-редакторами» таковы, что ругань в адрес КПСС и КГБ превышает необходимую меру. Впрочем, есть и обратная тенденция, когда за спиной Советской власти видишь уже вовсе не ее, сермяжную-посконную, а совершенно другую систему мироустройства, – тоже, что удивительно, требующую лояльности, но не в формальном поклонении *государственным* институтам власти. Как показывает опыт Окуджавы, вести себя с достоинством по отношению к «воинствующему государству» еще можно, хоть и опасно, а вот по отношению к деньгам и «обеспеченным людям», представителям силы откровенно деструктивной,

порождениям хаоса и беззакония, уже не получается [1, с. 434–436]. Военно-феодалный империализм не требовал от подданных слепого поклонения деньгам, а современная игра в лояльность требует более чем практического поклонения «баксу», даже если за ним стоит «мировой финансовый кризис», и противники Быкова навязывают свое мнение читателям-реципиентам, согласно которому второсортность и пошлятина – черты прежде всего советской и, как следствие, современной российской литературы [8; 9; 10]. По сравнению с какими, чьими культурными достижениями – на Востоке или на Западе? Шолохова, Маяковского, Булгакова, Ильфа и Петрова, Трифонова, Шукшина, того же Окуджаву с Фростом и Фолкнером сравнивают – или с Сержем Гинзбуром и Сартром? Может, с Билли Уайлдером, Джорджем Лукасом, Стивеном Спилбергом? Что важнее в «идейной борьбе за денежные знаки» на гладиаторской арене *нынешнего* «парохода современности» – интернет-общение, принципиальный отказ от постижения реальности, телевидение как форма зомбирования, 3D-кинематограф, электронные игры, архитектура «сити-центров»?

Хамское пренебрежение к так называемым «совкам» (т.е. неудобным и скептически настроенным реципиентам, имеющим опыт разного рода суггестий, экспериментов над собой) российские *неоконь* (и «православноориентированные», и «управозащитные») культивируют, стараясь представить отечественную историю XX века «карой божьей», так или иначе. Допросятся от великого ума, искусят кого не надо – и получают вожделенное «метаисторическое» продолжение торжественной порки на идейных передовых позициях, отправятся на «философском пароходе современности» куда пошлют, – готовность налицо! Быков одно время был близок к именно такой позиции, «антибольшевистской» и «антинароднической» (якобы), декларативно-элитарной, однако книга стихотворений 2010 года издания показывает, что теперь «свободомыслящая консервативность» у него другая.

Лирика историко-философская и «нравственно-эстетическая»: «счастье от ума»

Как поэт Быков начинал в *ордене* куртуазных маньеристов. Стихи той поры по-своему интересны, но при нынешнем перечитывании возникает досадное ощущение неполноты, недостаточности... Не ума и не вкуса, в известные эпохи читателю нужны «безумства» и безвкусица, – это ощущение незавершенности авторского образа, в *иронической* лирике крайне необходимое. Корень этой проблемы – «полупонимание» себя... Можно привести примеры, когда это проявлялось наглядно, – например, хват-ретроград, красавец-помещик,

обольщающий революционерку глубоким умом и широким кругозором, завершает бодрый монолог беспомощным блеянием – «мне бы спасибо сказал государь император»...

Абстрактный «государь» не приревновал бы счастливого, поблагодарил бы умника-героя за спасение их общей полуфеодальной империи в условиях XX века при наличии империалистических конкурентов, подъема революционного движения (т.н. «контрэлит») и неминуемого «восстания масс», ясное дело! Тут не ирония – слезы беспомощности («и прослезился», по Шервинскому), потому что *революционерка* Анечка как бы олицетворяет Россию. Маска лейб-гусара и столбового дворянина годится для куртуазного маньериста, но «гумилевщина» у Быкова выглядит карикатурно. Маскарадная мишура в духе Сомова вынуждает помнить о присутствии непреходяще смеющейся дамы в плаще с капюшоном, с косой наизготовку, и техника стихосложения не спасает: версификация может быть сколько угодно виртуозной, отчаяния цинизмом не скроешь. В быковской лирике 90-х много интересных («эстетически выверенных») отрывков, но мало по-настоящему *целостных* стихотворений. Перелом, если это можно так назвать, случился в «нулевые» годы – Быков танцует старые балеты в другом темпе, повторяет стилизационные заклинания с другой, непривычной интонацией, хохочет и плачет уже не в качестве Арлекина-Пьеро. У него своя жизнь, которую он все же впускает в «ультраромантические», позерские по видимости стишки... Вот уровень 2002 года:

*Ты сделал меня летописцем распада,
В такую эпоху меня запустил.
Пустынных осенних садов анфилада
Мне нравится больше других перспектив.*

*Мне нравится всё, что идет не к расцвету,
А к гибели; всё, что накроет волна,
И мне, второсортному, в общем, поэту –
Ты создал условия эти сполна <...>.*

*Мне попросту внятно отсутствие вкуса
В титанах, которые рубят плеча,
В угрюмых эпохах цемента и бруса,
Надсада, гудка, молотка, кирпича. <...>*

*Зато мне достались дождливые скверы,
Упадок словесности, пляска теней,
И это нехитрый состав атмосферы,
В которой изгоям дышалось вольней.*

*Опавшие листья скребутся к порогу,
Над миром стоит Мировая Фигня,
И плачу, и страшно, и сладко, ей-богу,
Мне думать, что все это ради меня.*

Эгоцентризм – и самолюбование на уровне нарциссизма? Нет, все еще лирическая игра в «гусара-одиночку» (термин Стругацких). Что на самом деле за душой, *красиво* изложено в зарифмованных манифестах, но вот стихи 2006 года, когда автор решается *говорить красиво* непосредственно по сути дела, пускай даже в стиле Бродского, однако не для самоувековечивания с простертою дланью («и пока мне рот не забили глиной!..»), не для балетных поз в «зеркальноосколочных» постмодернистских цитациях.

*Предвестье это прорыва или провала –
Бог весть.*

*Господи, дай мне сделать, чего еще не бывало,
Или верни снисхождение к тому, что есть.*

Былое «надувание щек» завершилось пшиком, – сколько можно?.. Почему «заезжий музыкант играет на трубе» чуждые ему мелодии? Все украдено, все вторично и все опротивело, кроме личных отношений (счетов!) с господом богом в процессе жизни-творчества-любви. Туда и будет, стало быть, направлен отныне «вектор силы»?

*Она глядела туда, где свет закатный густел опасно,
Где все вокруг говорило «нет», и я это видел ясно.
Всегда, со школьных и детских лет, распивочно и на вынос,
Мне все вокруг говорило «нет», стараясь, чтоб я не вырос,
Сошел с ума от избытка чувств, состарился на приколе –
Поскольку если осуществлюсь, я сделать могу такое,
Что этот пригород, и шалман, и прочая яйцекладка*

*По местным выбеленным холмам раскатятся без остатка.
Мне все вокруг говорило «нет» по ясной для всех причине,
И все просили вернуть билет, хоть сами его вручили.
Она ж, как прежде, была тверда, упряма, неборима,
Ее лицо повторяло «да», а море «нет» говорило,
Швыряясь брызгами на дома, твердя свои причитанья, –
И я блаженно сходил с ума от этого сочетанья.*

*Вдали маяк мигал на мысу – двулико, неодинако,
И луч пульсировал на весу и гас, наглотавшись мрака,
И снова падал в морской прогал, у тьмы отбирая выдел.
Боюсь, когда бы он не моргал, его бы никто не видел.
Он гас – тогда ты была моя; включался – и ты другая.
Мигают Сириус, Бог, маяк – лишь смерть глядит не мигая.
«Сюда, измотанные суда, напуганные герои»!
И он говорил им то «нет», то «да». Но важно было второе.*

В этих стихах 2009 года лирика Быкова обретает нечто такое, чего прежде не имела – пафосную глубину вместо претензий на таковую, а вместо иронии в качестве статусной позы появляется «поэтоэтос» миропостижения-*переустройства*. Самолюбование-гордыня и лукавство мнимой ущемленности уходят вместе с ощущением собственной «чуждости» и эстетической ущербности, «сверхкомпетентности»; саркастические сетования и аллюзии поэта-философа, сомнения в ценности собственного (и «общего», конечно) существования становятся источником жизнелюбивой бодрости, а не декларативной печали... Разумеется, тема *образности* у Быкова заслуживает отдельного исследования, но преодоление «поэтом осени» его маньеризма (игрового, «логически-маркетологического», на деле бесплодного и нудного до педантизма, *постмодернистского*) вроде бы состоялось.

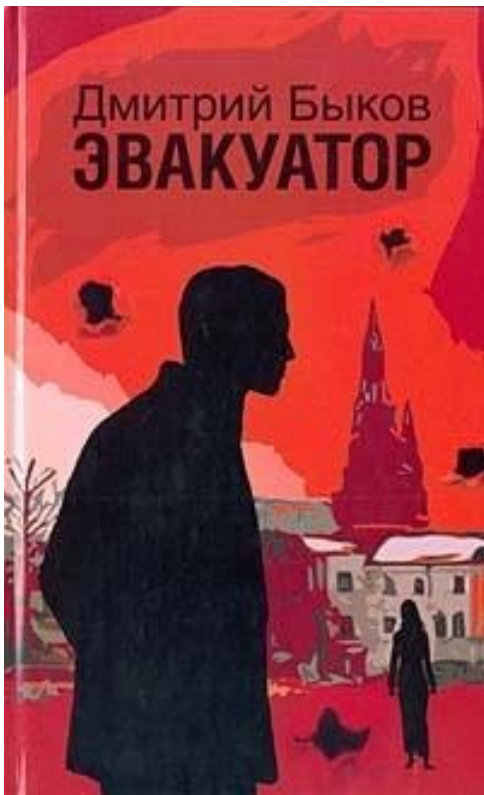
Поэзия, впрочем, одно, а «художественная проза» – другое. Исторические романы и фантастика близки «по жанру», это критики заметили еще в эпоху Ивана Ефремова. Сегодня «историческое» фэнтези имеет целую армию «фанов» и огромное количество сайтов, электронных игр и разного рода фестивалей, за ним стоят издания сетевые и журнальные. Фантастика Быкова тесно связана с его же «исторической прозой», на это есть причины, но махания мечами и безумных геройствований нет ни в одной книге – даже в романе

«Оправдание», где НКВД через эпоху «большого террора» создает *сверхлюдей* (отнодь не варваров нового стиля, «белокурых бестий»). Твердых и гибких – как булат, чтобы выиграть предстоящую войну с помощью их миропонимания, их возможностей.

Проза исторической жизни

Анализировать «идеологическую» романистику Быкова легко... В ней вроде бы все на поверхности (от «Орфографии» до «Остромова», от «Оправдания» до «Эвакуатора») – и, однако, публицистический пафос в художественной прозе имеет не только культурно-исторический, но и наглядно-просветительский характер. Идеологемы и сплошная пропаганда, большей частью «антипатриотическая», якобы враждебная нынешней России и «бывшему СССР», но почему-то не скучная, «цепляющая», – что-то вроде прививки пандемической вирусной инфекции для обретения надлежащего иммунитета. Быковское многознание, многоохватность и многозначительность, пафосность игровая и воистину фантастическое нахальство таковы, что можно было сделать героем «Оправдания» Исаака Бабеля, якобы выжившего после обработки «селекционеров» НКВД, спрогрессировавшего в «сверхчеловеколичность». В принципе, Быков никуда не зовет, кроме как за парту (или письменный стол; можно даже с ноутбуком, подключенным к интернету), – «познай себя»,

Ил. 4.

как познаешь мир, или останешься заложником чужих амбиций, слепцом самодовольным!

Быков весь историчен, а в истории – фантастичен, таков его творческий принцип. Так, роман «ЖД», бесспорно скандальный, противопоставивший аморфно-болотному, по образному суждению автора, «коренному населению» России мертвящую, давящую силу «варяжской имперскости», интеллектуальное коварство и бездушие «хазарской алчности», дает повод еще раз, без привычного пафоса подумать о том, что такое «цивилизующая» государственность и каковы ее традиции – не только на территории «бывшего СССР». Возмущаться очевидной эстетической провокацией незачем, постмодерн еще и не то позволяет, а мнимая «свобода мышления» имеет вторую сторону – «великую

дидактику»! Не ту «глуУбогую» мысль, твердую без передышки всеми возможными способами, что все – суета сует... Все взаимосвязано, глубина бытия неисчерпаема и как раз потому познаваема, в минувшем столько интересного, что гражданам РФ стыдно не знать *свою* историю! Даже сопредельные государства рикошетом зацепило, – в частности, Украину.

Еврейский вопрос актуален и сегодня, роман о нем (но не только о нем) фантастичен, однако «добрым молодцам урок», за «художественной образностью» стоят исторические факты. «Что такое лозунг “Украина для украинцев” <...>? Это разделение гражданского общества Украины по этническому признаку с дальнейшим обозначением титульной нации. <...> Подобный лозунг неизбежно приводит к противопоставлению по линии “свой – чужой”, причем “чужой” – это тоже гражданин Украины. <...> Легче всего создать “образ врага” именно из “чужого”. Главное – <...> разделить общество, сформировать на основе лозунга настроение части общества, показать ей “образ врага” и – “фас”!»

Поскольку националисты определяют права этнических украинцев как «титульной нации» с помощью термина «автохтон», И. Каминник и А. Ганжа в статье, направленной на защиту «автохтонности» евреев, берут в качестве образца вполне быковские по духу изыскания и аргументы (роман «ЖД»). Евреи разве не «автохтоны»? Шелковый путь из Китая в Европу контролировали купцы-рахдониты (с VIII в. н.э.), и «еврейское население не могло не оседать на территории современной Украины». Летописи и памятники духовной культуры славян знают все, однако «самый древний, происходящий из Киева, рукописный текст – <...> знаменитое “Киевское письмо” из Каирской генизы <...> – обычное рекомендательное письмо на еврейском языке <...>, выданное иудейской общиной Киева для предъявления в других иудейских общинах. <...> Датируется это письмо IX–X веком»... Утерли нос галицийским истерикам, апеллирующим к истории.

«До появления <...> собственно русского произведения духовной литературы Киевской Руси оставалось еще не менее 100 лет. Правда, и его <...> написал второй епископ новгородский с характерным именем “Лука Жидята”...». Хазарский каганат, как известно, контролировал до поры и Киев. «Когда Рюриковичи прогнали из Киева хазарскую власть и разгромили Хазарский каганат, это ничего не изменило в положении основной массы евреев в Киеве. Они там остались, и осталось их достаточно много. Из летописей известно, что в Киеве было два особых квартала, один из которых назывался “Козары”, а другой – “Жидове”. Возле второго квартала находились одни из ворот города – Жидовские, которые упоминаются в летописной записи 1151 года: защищая Киев от половцев, “Изяслав Давыдович стал меж Золотых ворот и Жидовских, а Ростислав перед Жидовскими вороты”.

Причем возможно, что в отрядах и Изяслава и Ростислава были и еврейские воины. В киеворусских источниках порой упоминаются воины, которых называют “жидове козарские”. <...> Но даже не это является основным доказательством значительной роли евреев в Древнем Киеве. В летописном известии о народном восстании в Киеве, в 1113 году <...> был первый еврейский погром на территории современной Украины. <...> Из всего, описанного выше, вывод прост и неприятен, особенно для украинских националистов: в составе населения Киевской Руси еврейский компонент не просто существовал, а был государственнообразующим элементом. И существовало это население на этих территориях задолго до становления государства, правопреемником которого программа ВО “Свобода” называет Украину. Следовательно, евреи – автохтоны на этой территории, принадлежащие ей по происхождению. Короче – местные. <...> Хочется порекомендовать творцам, создающим лозунги “Украина для украинцев”, что иные лозунги имеют не меньшее, а даже большее историческое право на существование. Это “Украина для евреев”, “Украина для греков” (появились в VII в. до н.э.), “Украина для германцев” (появились в III в. н.э.), “Украина для тюрков” (появились в IV в. н.э.) и для многих других» [12]. Этнический национализм, следовательно, может вдохновлять лишь самых «темных» (в нравственном смысле) политических авантюристов, – даже в Израиле признают, что на «земле обетованной» жили люди и до прихода «избранного народа»!

Такова историко-политологическая иллюстрация к роману «ЖД» – одному из многих, созданных Быковым. Пересказывать его сюжет и описывать коллизии незачем, это ведь фантастика с очень современными реалиями (и «почвенников» бьют, и «западников», несть ни эллина, ни иудея, еврейские националисты не лучше *варягов*). Одно можно сказать точно: «варяги» имеют мышление феодально-мистическое, а «хазары» – неоимпериалистическое и неоколониалистское, еще более бездушное. «Фэнтезийность» в симбиозе с «историчностью» – фирменная марка романов Быкова. Как правило, в его «исторических» романах измышления равноположны фактам, коррелируются их рамками, а в вещах вроде «Эвакуатора» или «ЖД» исторические факты становятся опорой для «метаисторических ретропрогнозов» с неудержимым полетом фантазии, не упускающих *главную цель* – просветительство во имя «культурно-антропогенного» прогресса. Быков – педагог по призванию, это даже в самых «упадочнических» его стихах очевидно.

Педагогика

Откуда он взялся, этот Быков? Из детства, вестимо, а также из советской литературы (и педагогики), – В. Шубинский определил это верно. Из художественной литературы и качественной (не чванно-сектантской, «элитно-передовой») педагогики то ли «позднего застоя», то ли «ранней перестройки»... Плохо это или хорошо? «По плодам их узнаете их», сказано. Д.Л. Быков *с виду* – сноб-интеллектуал, но подражать ему в этом никому из читателей и телезрителей в голову не придет, потому что такую маску-игру органично выстроить может лишь хороший актер, а из пустоты самолюбования ничего не выйдет, кроме пустоты еще пущей.

Что дорого Быкову? Отнюдь не болталогия-идеология. Нужно дать слово ему самому, работавшему в редакции радиостанции «Ровесник» после службы в армии и работы в школе... Объем приведенных цитат обусловлен сутью информации, открывающейся в них.

Просветительство мешает колонизаторам

«Когда в девяностые некоторое количество подонков обрушилось на шестидесятников с разных сторон, ничего при этом не умея, – их больше всего раздражал не социализм (его брутальностью они склонны были даже любоваться <...>), а вот именно что человеческое лицо. Все, что было в социализме отвратительного, перестройку благополучно пережило и сейчас реинкарнировалось в слегка обедненном виде <...>. Зато все, что было хорошего, все, что относилось к этому самому человеческому лицу, – исчезло безвозвратно, подтверждая замечательную пелевинскую метафору насчет рыбы, гниющей с головы: все здоровое отпадает, а гнилая голова благополучно плывет дальше. Я одного не могу понять: “Ровесники”-то кому мешали? Почему в 1990 году понадобилось их закрыть? <...> “Ровесников” слушали, без преувеличения, миллионы. <...> Дети и сегодня нуждаются в таком разговоре, – повторял Дубровицкий в последнем своем радиоэфире <...>, когда был у меня в гостях на «Сити-FM»: “Неужели ты думаешь, что мир бесповоротно изменился и детям перестал быть нужен серьезный разговор?!” <...> И сотни звонков от бывших слушателей “Ровесников” во время этого эфирного часа были лучшим доказательством: дети этих выросших детей стали бы для нас отличной аудиторией. <...> Мне кажется, что самая серьезность этого разговора спровоцирует равнодушное отношение к Отечеству, а из такого отношения может пристечь нарушение некоей общей конвенции, сводящейся к решению тихо догнить.

Разумеется, подростки как-нибудь соберутся и сегодня, и не только ради бухла; конечно, талантливый журналист состоится и без всякой помощи <...>, но Дубровицкий своим демонстративно нерадийным, чуть шепелявым, негромким и очень серьезным голосом определял интонацию, задавал планку. Было ощущение, что выслушают, поймут и помогут, – потому-то Дубровицкому и Комаровой приходило столько личных писем, и они мотались по всей стране или рассылали корреспондентов, вытаскивая несправедливо осужденных, устраивая в институт незаконно срезанных, восстанавливая на работе оклеветанных. Был Совет, обсуждавший проблемы самого трудного и важного возраста – ведь социализация происходит в отрочестве, это и есть хрупкий мостик в реальную жизнь, и сколько народу срывается с него ежегодно – один Бог ведает. Сейчас очень мало людей, которым можешь – и захочешь – рассказать о себе все. Дубровицкий вызывал абсолютное и заслуженное доверие» [13].

«Не обольщайтесь, человек на протяжении всей истории неизменно доказывает свою готовность скатиться в скотство. И более того, если он не будет постоянно рваться к следующей эволюционной ступени, он непременно станет скотиной, более опасной, чем все четвероногие твари. А именно таким скатыванием – и не в одной России, а в мировом масштабе – он и занят последние 20 лет, после краха той самой коммунистической утопии, которую так долго ругали антибольшевики» [14].

Живая литература враждебна «промывателям мозгов»

Еще одна большая цитата, касающаяся идеологии: «Журнал “Русский репортер” формирует десятку современных прозаиков и включает туда меня – спасибо большое! – с такой формулировкой: “Быков мог бы быть авторитетным литератором, но ему вредит то, что он не “над” всякими идеологиями, а, наоборот, солидарен с любой из них”. Да, я не “в авторитете”, что поделаешь. И слово это с его блатными коннотациями тут куда как не случайно, но как-то я не рвусь в авторитетные литераторы, или, вернее, мой идеал называется как-то иначе. Быть “над” всеми идеологиями – удел снобов, что тоже востребовано эпохой, но как-то очень уж высокомерно, что редко сочетается с умом. Насчет “солидарности с любой из идеологий” – явный перебор, но я примерно понимаю, что хочет сказать автор. Ему кажется (и небезосновательно), что в каждой из них есть здоровое зерно и ни за одной нет окончательной правоты. Это верно, поскольку в России и нет идеологий, а есть способы выглядеть патриотом, прогрессистом или надсхватчиком. К идеям, объективному положению вещей и личным убеждениям мыслителей это не имеет никакого отношения – вот

почему наши наиболее непримиримые гуманисты так жестоки. Вот почему Валерия Новодворская, например, защищая гуманизм, совесть и другие прекрасные вещи, выражает давнишнюю готовность записаться в ополчение к Джохару Дудаеву. Если это демократия, пусть ломается моя демократическая репутация, как называет это публицистка, полемизировать с которой не позволяет простое сострадание.

Мы слишком долго отфильтровывали “чужих” – под любым предлогом, от образовательного до генеалогического. Пора снять устаревшие оппозиции, <...> пора думать, а не подгонять себя под чужие клише» [15].

Современный литературный процесс как форма «общенародной» педагогики

Быков не просто современен и внятен, его «литературно-педагогические» формулы раскрывают «ситуацию гниения» на уровне медика-диагноста, опытного клинициста: «Мейнстрим давно ушел в глянец, и это тоже не всегда хорошо, но по крайней мере здорово. В мейнстриме никогда не кипят такие болезненные страсти, как на обочинах; самая косная церковь лучше самой продвинутой секты. <...> Маргинальные площадки заняты мафиями, а мейнстрим пишет о том, что хорошо покушается.

Я тоже делал и говорил массу глупостей, хотя интуитивно выбирал правильных друзей и, что особенно важно, правильных врагов. Я тоже производил впечатление избыточности, хотя писал и печатался ничуть не больше остальных. Со временем я как-то научился с этим жить, а потом и злость поутихла – молодость ведь самый прощительный из грехов, ибо она проходит. Дождался я и адекватной критики, а со многими из тогдашних зоилов подружился, ибо стало ясно, что мы в одной лодке. Короче, по мере иссякания этой самой избыточности всех нас постепенно начнут терпеть, а после смерти даже и любить, но штука в том, что стихи нам надо писать при жизни. Поэтому к поэту желательно относиться толерантно, даже если он кого-то отталкивает эпатажем или рассеянностью: в конце концов от

Ил. 5.

эпохи остается <...> преимущественно поэзия (проза куда менее долговечна). <...> Ситуация травли мне знакома, и человека, попавшего в эту ситуацию, надо ограждать от нее вне зависимости от того, есть у тебя к нему претензии или нет» [16].

«Прислонившись к храму, тут же начинаешь выглядеть культурным и духовным, даже ничего для этого не сделав. Так вот: чем меньше будет у нас “треножников”, тем больше будет искусства. <...> Есть оголтелые хранители, для которых любое новаторство уже есть посягательство. Есть столь же оголтелые авангардисты, призывающие сбрасывать с парохода современности всех, кто старше тридцати. <...> Грубо говоря, для одних культура – это уметь слушать собеседника, а для других – шаркать ножкой и быть опрятным. <...> И хотя, повторяю, в чистом виде эти типы почти не встречаются, не то б культура давно загнулась, – поляризация сохраняется, и охранители по-прежнему верят в культуру “музэ-эев” и библиотек (хотя новых книг почти не читают). <...> Можно есть импортную ветчину, но нельзя жить импортной литературой. А чтобы жить своей, надо дать ей место, где жить. Ибо наблюдать, как культура становится экспонатом, особенно невыносимо тем, кто этой самой культурой занимается непосредственно» [17].

Хорошо сказано, притом в отношении не только России. Быков ненавидит *быдло*, носящее пиджаки от Армани, тысячекратно больше, чем умственных калек в тряпках китайского производства. Будучи *литератором*, то есть одновременно дельцом и поэтом, идеологом и актером, он знает механику низведения в свиной хлев «человеческих масс» даже слишком хорошо, чтобы любить тех, кому это необходимо для устройства своего незамысловатого (примитивного, грязного, компрадорского) бизнеса. Другое дело, что эта ненависть не мешает подобным людям использовать выдающиеся способности Дмитрия Львовича для своих целей – в телевизионных ток-шоу, например, где его личное отношение к проблемам национальной культуры имеет значение второстепенное и служит прежде всего гарантией востребованности данной передачи... Это претензия не к Быкову, к социально-культурной ситуации, – Пелевин, к примеру, переживает примерно то же самое [18], уходя «в пустоту», чтобы устраниваться от скверны, заполонившей все. Можно привести и другие примеры, но в этом нет необходимости, и так все очевидно.

Д.Л. Быков свое дело знает – и любит; работает («творит») на совесть. Другое дело, что его нынешние телевизионные проекты в среде профессиональных идеологов-маркетологов именуют «охмуряловкой тусовочной»... Незачем пока гадать, какое начало возьмет верх – «художественно-творческое» или «тусовочное». Надо надеяться, что у этого популярного автора будет время, чтобы заниматься литературной критикой, поэзией, сатирой, исторической и фантастической прозой. Быкову – и тем, для кого он пишет – нужно, чтобы

развитие продолжалось, прежде всего развитие культурно-социальное [19]. Остается пожелать этому автору «творческих достижений» – удач, побед-шедевров, несмотря на изменяющиеся претензии читающей публики, за которыми *неравнодушие* – чьи-то ненависть, зависть, презрение, но и любовь, и уважение, и стремление к развитию.

Список литературы:

1. *Быков Д.* Булат Окуджава. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 777 с.
2. *Быков Д.* Отчет: Полное собрание лирических произведений на 1 января 2010 года: Стихотворения. Поэмы. Баллады. – М.: ПРОЗАиК, 2010. – 576 с.
3. *Быков Д.* Бонус. Мой исторический календарь // Вместо жизни. – М.: Вагриус, 2006. – С. 405–461.
4. *Быков Д.* Прощай, отчаяние, или По ком звонит дар // Вместо жизни. – М.: Вагриус, 2006. – С. 14–22.
5. *Быков Д.* Британцы не верят в RASKRUTKA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/044/22.html> (дата обращения: 27.04.2009).
6. *Клейн Л.* Дмитрий Быков: Книга – последний бастион вольномыслия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/culture/2006/11/23/bykov.html> (дата обращения: 19.12.2006).
7. *Павлов Ю.* Словесная диарея Дмитрия Быкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hronos.km.ru/libris/lib_p/pavlovum14.html (дата обращения: 11.11.2009).
8. *Шубинский В.* Дмитрий Быков. Окуджава [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/8651> (дата обращения: 17.03.2009).
9. *Быков Д.* Достоевский и психология русского литературного Интернета // Вместо жизни. – М.: Вагриус, 2006. – С. 221–231.
10. *Петракова А.* Дмитрий Быков умеет злить идиотов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2010/07/21/12984819.html> (дата обращения: 21.07.2010).
11. *Быков Д.* Апология болота [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/society/-apologiya-bolota-/287602.html> (дата обращения: 05.02.2010).
12. *Каминник И., Ганжа А.* «Украина для евреев»: Политические мифы и исторические реалии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1363074.html>. – 11.01.2011.

13. *Быков Д.* Ровесники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/culture/-rovesniki-/293586.html> (дата обращения: 02.03.2010).
14. *Быков Д.* Успенская машина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/culture/-uspenskaya-mashina-/260083.html> (дата обращения: 14.09.2010).
15. *Быков Д.* Записки из ядра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/culture/-zapiski-iz-yadra-/284259.html> (дата обращения: 23.01.2010).
16. *Быков Д.* Немаленькая Вера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/culture/-nemalenjkaya-vera-/261641.html> (дата обращения: 22.09.2010).
17. *Быков Д.* Живые и мертвые [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/culture/-zhivye-i-mertvye-/272380.html> (дата обращения: 18.11.2009).
18. *Москвина Т.* Не пойти ли Пелевину в политику? // Аргументы недели. – 16 дек. 2010. – С. 22.
19. *Быков Д.* Опыт о палке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/politics/-opyt-o-palke-/265230.html> (дата обращения: 07.10.2010).

Сведения об использованных иллюстрациях:

- Ил. 1. Дмитрий Быков. Режим доступа: URL: <http://www.aif.ru> (дата обращения: 15.03.2011).
- Ил. 2. Булат Окуджава. Быков, Д.Л. – М. : «Молодая гвардия», 2009. – 784 с. Режим доступа: URL: <http://www.diary.ru> (дата обращения: 15.03.2011).
- Ил. 3. Борис Пастернак. Быков, Д.Л. – М. : «Молодая гвардия», 2007. – 896 с. Режим доступа: URL: <http://bookz.ru> (дата обращения: 15.03.2011).
- Ил. 4. Эвакуатор. Быков, Д.Л. – М. : «Вагриус», 2007. – 349 с. Режим доступа: URL: <http://www.ozon.ru> (дата обращения: 15.03.2011).
- Ил. 5. Вместо Жизни Быков, Д.Л. – М. : «Вагриус», 2006. – 463 стр. Режим доступа: URL: <http://www.livelib.ru> (дата обращения: 15.03.2011).